

№ 9 (15) 2022 г. Выходит 1 раз в месяц

РОДНАЯ МОЯ ДЕРЕВЕНЬКА

16+

Увлекательные житейские истории
+ Полезные советы

Подписные индексы:

ПП431

«Подписные издания»
«Почты России»

«Почта Крыма»
92258

Выписать газету можно
на почте или у почтальона

**Вот моя
мама!**

Русский крест

Любовь моя

На покосе

Шиповник

Он шел по желтому горячему песку... он был мокрым от кончиков пальцев на ногах до кончиков волос... все его тело было усеяно царапинами от колючей проволоки и ныло от сводящей с ума боли, но он был жив и направлялся к штабу, который виднелся на горизонте метрах в пятистах. Раздался взрыв и Алексей... проснулся. Он всегда просыпался на этом месте и долго не мог успокоиться. Взрывы, казалось, заполнили всю его память и звенели, не стихая.

Вышел на крыльцо, закурил.

Розовый рассвет вступал в права и окутывал свежестью.

— Доброе утро, Алеша! — голос прозвучал неожиданно. Алексей не ответил.

— Знаешь кто ты? — зазвенел голосок от обиды и, не дожидаясь ответа, добавил: — Шиповник! Понял? Ты — шиповник!

Он видел краем глаза, как маленькая фигурка направились мимо его двора, громыхая ведрами.

«Вот же дал Бог соседку. Неумемная... — мысли о войне затихли, и Алексей переключил внимание на Катерину. — Чего ей от меня надо? Не хочу я разговаривать, а она лезет в душу. Далась мне ее пирожки. Еще и обзывает».

Он ждал сегодня гостя, а тут сон этот и соседка-щербуха все испортили. Вздохнул Алексей и пошел прибираться.

По улице пастух гнал стадо коров. Они обходили машину, обмахиваясь хвостами и не давая выйти водителю. Стадо прошло, водитель вышел из машины и долго смотрел вслед.

— Командир, что стоишь? Роман Григорьевич! — Алексей распахнул калитку. Обнялись.

— Хорошо тут у тебя... Как в детство вернулся. Слушай, а колодец далеко?

— Через два двора.

— Давай сходим. Воды из колодца настоящего бы.

Роман Григорьевич все восхищался и вкусом воды, и колодцем.

— В наше время колодец с деревянным срубом — редкость. Ведь правда вода в нем лучше, чем в бетонных кольцах?

— Лучше, намного лучше, командир.

Они сидели под яблоней и вспоминали, вспоминали... Алексей с жадностью расспрашивал, как теперь обстоят дела в его взводе и долго ли продлятся боевые столкновения. Он надеялся вернуться в строй, не смотря ни на что.

— Ты, Лешка, главное — выздоравливай, а там видно будет, — сказал Роман и тут заметил Катерину. Добавил погромче: — Да и жениться тебе надо. Девушка, вы замужем?

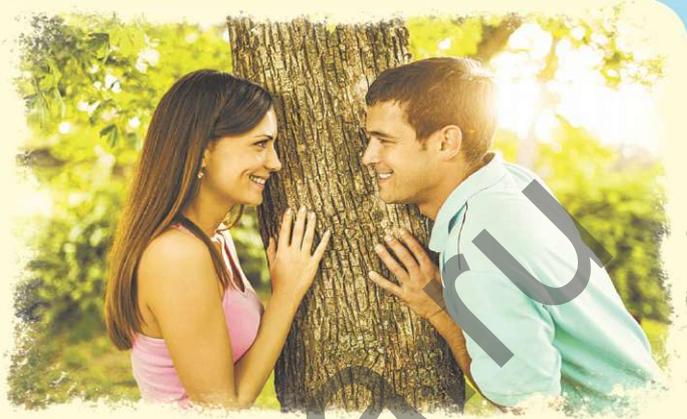
— Вас что, теперь двое ненормальных стало? Счас я все подробно вам доложу. Ага, ждите, — сердито ответила, втаскивая вязанку травы, застрявшую в калитке.

Роман Григорьевич вмиг перескочил невысокую изгородь и стал помогать.

— Я не хотел вас обидеть. Меня Роман зовут, а вас как величают?

— Катерина.

— Вы скажите, чем вам помочь? Мы с Лешкой...

— Ага, особенно ваш друг — большой помощник! Он же, как шиповник, колючий.

— Командир, ты в разговоры с ней не вступай — забьет всю голову чепухой, — подошел к изгороди Лешка.

— Командир? Вы, что ли, военный? — Катерина удивленно смотрела на Романа Григорьевича. — А по виду и не скажешь.

— Внешность обманчива. А приходите, Катерина, к нам на ужин. Шашлык через пару часов будет готов. Леш, приглашай.

— Да она сама припрется, можно и не приглашать, — Алексей сам не понял, отчего злится: то ли Катерина раздражает своей улыбкой, то ли потому, что командир пригласил, а не он.

Катерина ничего не ответила, положила траву на лавку у сарая и скрылась в доме. Мужчины вернулись под яблоню.

— Хорошая девчонка, смысленая, а глаза какие. Ты чего смурной? Я по-хорошему — не ревнуй. Ты же знаешь, что замены моей Ленке не будет... Слушай, а откуда она такая тут?

— Родители у нее погибли несколько лет назад. А соседка моя Пахомовна забрала ее к себе. Она совсем пигалицей была, а теперь палец в рот не кладет. Пахомовну год назад схоронили. Теперь вот меня донимает своими пирожками. Я ж не больной, а она меня опекает.

— Ох и лох ты, Лешка. Ты ж ей нравишься. Девушка со всей душой, а ты...

— Да я старый для нее: целых семь лет разницы.

— Тебе спарринг нужен с женой, что ли? Ты ж не на ринге. Жена должна быть слабой, а то мужики скоро вырождаются из-за сильных женщин. А кстати, о возрасте: Лена ведь моложе меня на десять лет была.

— Не знал. Дети как?

— Учатся: Ванька в нашем рязанском, а Милка пошла в медицину. Тяжело без мамки им... Меня постоянно нет... Ничего, выдюжим. Женю тебя, появятся дети, и жизнь у тебя пойдет совсем по-другому.

Вечер прошел на удивление спокойно. Оказалось, что Катя очень умная девушка: она смеялась их шуткам и сама за словом в карман не лезла. Лешка и не знал, что родители Катерины были военными врачами и оба погибли, спасая раненных.

С того вечера все изменилось. Самое удивительное, что Алексею перестал сниться тот ужасный сон. Счастье и любовь вытеснили боль и страдания. К осени Катя и Лешка отправили приглашение на свадьбу Роман Григорьевичу.

Ганя Жук

Мама моего супруга

— Дунька, Дунька! — голос за калиткой приближался.
— Иду, иду. Что там приключилось-то?
— Тишка твой опять к Аринке таскался. Марфа видела, как на сеновал они забирались, — запыхавшаяся Лидуха тяжело оперлась на калитку. — А я думаю, дай побегу к тебе да расскажу.

— Горе нам с Тихоном! Сколько раз просила его оставить эту худосочную.

— Она сама как репей к нему цепляется. И где только завидит, так и бежит навстречу. А твой встанет, рот до ушей, и таёт. Он же в прошлый раз чуть не прозевал телегу — так бы и рухнула с дороги в пруд.

— Ах ты бестолковый!..

— Хорошо, что Гринька-кузнец под узду ухватил гнедую и не дал в реку повернуть. А твой Тихон и ухом не повел, все на свою разлюбезную тарасился.

Бабы еще немного посудачили и разошлись: дел невпроворот.

Ближе к вечеру отправилась Дунька к Чистяковым. Первой ей навстречу попала Аринка.

— Тебе других парней мало, что ты к Тихону моему пристала? Сколько раз тебе говорить, чтобы отстала от моего сына? Не заговаривай ему зубы. Не будет вам моего благословения. Не пара вы! Поняла?

Аринка покраснела, засмузилась и не знала, что и ответить. А Дунька костерила ее на чем свет стоит. На шум во дворе из избы выглянула мать Аринки — Прасковья. Она сразу поняла, отчего языкатая мать Тихона на дочь напала. Крикнула из сеней:

— Дунька, уйди со двора!

— Я-то уйду, а ты своей девке скажи, чтоб передок завязала.

На эти слова схватила Прасковья веник и давай лупцевать Дуньку. Гонится и лупит со всей силы по спине, по ногам да приговаривает:

— Я сейчас твой передок завяжу, сватьяшка ты моя дорогая. Я тя прочу, как на мою дочку нападать. Сама забыла, как замуж шла? Я те напомяну, как мать твоего Федьки была против. Забыла свое? Не смей мою дочь трогать и заткни глотку свою паршивую!

Наконец Дунька выскочила со двора Чистяковых как ошпаренная. Из-за забора выкрикнула:

— Не бывать Аринке моей невесткой! Так и знай! Не пара она моему Тихону!

— Тебя не спросили. Как решат, так и будет. Я детям перечить не буду! Так и знай!

Противилась Дунька женитьбе сына на Аринке, а ничего не помогло. Поженились. Жить стали молодые отдельно: купили старый домишко на хуторке. Вот и детишки пошли, а Дуньке нет и дела до них. По разговорам только знает, что хорошо промеж собой живут. Уж как эти пересказы ее злили — и не передать! Как услышит, что у Аринки то, у Аринки се, так и закипит все внутри. Шла как-то Дунька мимо двора Прасковьи, и видит, как внучата играют. Потешные, вокруг Прасковьи выются да лепечут: «Баба, баба...»

Дуньке-то чего переживать — при дочке она будет, и внуки народятся, тоже назовут ее бабой.

Подросла дочь Дунькина и пошла замуж. Свадьба

пошумела и утихла, а в доме зять завел новые порядки. Не разрешил теще сесть с ними за стол. Дочка уговорила мать питаться отдельно, чтобы мужа не раздражать. А зять освоился и помыкает Дунькой, как хочет. То сделай, это сделай да принеси-подай. К внуку и не допускают, мать в прислугах держат. Обидно ей, а кому и что скажешь? Жила себе баба, горя не знала, а тут приходится терпеть.

Как-то был праздник большой церковный. Пришла к ним родня, и зять здорово напился. А характер такой, что как выпьет, так слова поперек ему не скажи. Вот он расхвастался, какой из него хозяин, везде, мол, у него порядок: и в огороде, и скотинка обихожена. А Дунька возьми да ляпни:

— В огороде-то за пять лет был хоть раз. Все на бабских плечах.

Разъярился зять да затеял драку. Еле уgomонили. На следующий день приказал жене мать собрать да в богадельню отвезти. «Нечего мои харчи лопать да меня хаять. Я тут хозяин, а ты никто и звать тебя никак».

Отвезли мать и оставили в богадельне за сто верст от дома. Печальна и тиха стала Дунька, смерти себе просит.

Проходит одна неделя, другая, зовут Дуньку: «Иди, приехали к тебе». Выходит Дунька к воротам, а там Аринка стоит со старшим внуком.

— Собирайтесь, мама, поедem к нам жить.

— А-а... как же, — заволновалась Дунька и расплакалась. — Я же ведь как тебя обидела.

— Нет у меня обиды на вас. Сына вон какого воспитали для меня.

— Стыдно-то как.

— Негоже матери моего супруга по богадельням проживать.

— Бабушка, мы тебя не обидим. Поехали, бабушка, — уговаривает внук.

Живет Дунька у Тихона и Арины и горя не знает: есть что покушать, что попить да и с внуками позабавляться в свое удовольствие. Уважение и почет старой Дуньке в семье сына, за столом во главе, как старшая, сидит и только добрые слова об Аринке да Тихоне говорит.

Ольга Светлая

Яблочное детство

Михаил Муромов поет: «Яблоки на снегу – розовые на белом, что же нам с ними делать, с яблоками на снегу...» Вот чудак человек. Да разве кто оставит яблоки в саду на зиму? Хороший хозяин даже падалицу собирает и скотине отдает, а уж крепкие плоды бережно снимает и кладет в погреб, чтобы зимой было что поест или в пирог заложить.

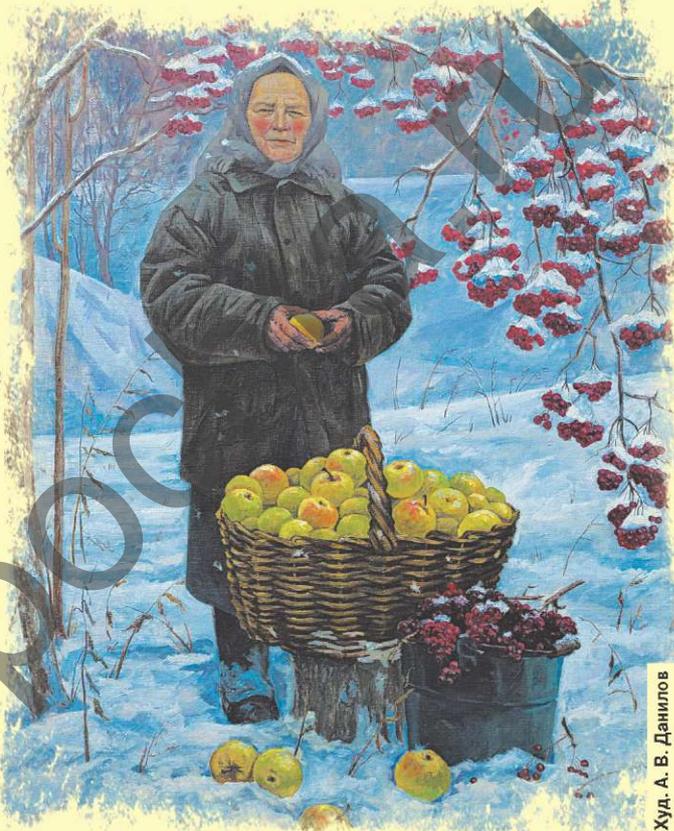
Эх, жаль, что ушли в прошлое чердаки, доверху набитые сеном. Только повзрослев, я поняла, что они выполняли двойную функцию. С одной стороны, были хранилищем для сена. А куда иначе было его девать? На улице не оставляли: может созреть и сгнить. А на чердаке летом жара, так что даже недосохшая трава там высыхала полностью и могла лежать хоть пару лет.

Но сено наверху было еще и утеплителем. Представляете, утеплитель толщиной под три метра? Вот в хате и тепло было зимой от нескольких полен, закинутых в печку.

А еще запах сена через сени (было раньше такое помещение перед входом в жилые комнаты) проникал в дом. Запах сена и яблок. Их тоже хранили на чердаке. Поскольку сена было много, каждое яблочко лежало в нем отдельно, не соприкасаясь с остальными. Даже если подгнивало одно, другие оставались целыми.

И сорта яблок были удивительные. Их названий никто не знал, разве что антоновка и белый налив имели названия. Росла у нас яблонька одна. Ох-хо-хо, сейчас селекционеры душу продали бы за такую! Но больше нигде и никогда я не встречала этот сорт. До самого снега висели эти яблоки на ветках, оставаясь ярко-зелеными и твердыми. Их аккуратно срывали, бережно укладывали в сено и не трогали до самого Нового года. Детям даже заглядывать туда запрещали. А на Рождество бабушка лезла на чердак, накладывала полный фартук созревших яблок и высыпала их на стол.

Мы же их сначала не ели. Мы их нюхали, хоть верьте, хоть нет. Обнюхаешь яблоко и блаженствуешь. Яблоч-

Худ. А. В. Данилов

ный запах в нем смешивался с ароматами разнотравья и холодной свежестью. Холодной — потому что на чердаке с сеном мороза не было, но и тепла тоже.

А яблоки за несколько месяцев желтели на всю глыбину. Вкусные были — куда там теперешним сортам. Господи, как бы мне хоть разочек еще почувствовать тот аромат и вкус таких яблок. Господи, дай прикоснуться к детству своему небесному...

Мария Плужная

Ученики

Было у гончара несколько учеников. К работе они относились совершенно по-разному. Одни были усидчивы и не спешили сделать побольше изделий, а другие торопились и делали все наспех.

Тогда гончар разделил их на две бригады и устроил им соревнование: одна бригада должна была сделать всего одно изделие, но чтобы оно было совершенным. Если у них получится идеально сделать, значит, он их наградит. Второй бригаде за награду дал мастер задание сделать много изделий, не особо считаясь с качеством.

Сдали ученики работу гончару и выяснилось, что горшки «халтурщиков» получились гораздо качественнее, чем горшки «усидчивых», так как халтурщики учились на ошибках, и каждый следующий горшок получался у них лучше предыдущего.

Так и в жизни: те, кто хоть раз ошибся, — ценит ее больше, чем те, которые не торопятся делать ошибки.

Антонина Ладейщикова

